

LINN SKÅBER
TIL DE VOKSNE

ILLUSTRERT AV
LISA AISATO

ЛИНН СКОБЕР

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ВЗРОСЛЫМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЛИЗЫ АЙСАТО

Перевод с норвежского
Анастасии Любаевой

УДК 821.113.5-32
ББК 84(4Нор)-44
С44

Перевод этой книги осуществлен при финансовой поддержке NORLA,
Norwegian Literature Abroad.

Copyright © text by Linn Skåber, © illustrations by Lisa Aisato, 2020 by Pitch forlag.
Published in agreement with Northern Stories. (All rights reserved.)
Russian edition arranged through Livia Stoa Literary Agency.

Скобер, Линн

С44 Посвящается взрослым / Линн Скобер ; [пер. с норв. А. Любаевой]. — Нур-Султан : Фолиант, 2022. — 272 с. : ил.

ISBN 978-601-271-257-5

Быть взрослым значит оставить позади суматоху юных лет и твёрдо стоять на ногах, обеспечивать свою жизнь финансово и трезво смотреть на вещи. Это также ответственность и независимость. Но знаем ли мы, взрослые, кто мы на самом деле? Удалось ли нам сохранить былую любознательность и радость жизни?..

Истории Линн Скобер основываются на её личном опыте и опыте других взрослых. В форме новелл, художественных монологов, диалогов, стихотворений в прозе и миниатюр она пишет о морщинах, культуре тела, одиночестве, желаниях, расставаниях, маленьких и больших тревогах, любви и запахах, которые всегда будут жить у нас в памяти.

Все эти сюжеты узнаваемы, однако благодаря сопряжению в них лёгкости и юмора с искренностью и серьёзностью и удивительным иллюстрациям Лизы Айсато, одной из самых известных современных норвежских художниц, книга «Посвящается взрослым» находит живейший отклик в сердцах читателей разных стран.

УДК 821.113.5-32
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-601-271-257-5

© А. Любаева, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке.
ТОО «Издательство «Фолиант», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие взрослые	6
1. Материнская доля	11
2. Их забрала «Эликсия»	19
3. Твёрдая девятка	31
4. Старость — не младость	37
5. Самый романтичный фильм на свете	47
6. Тайны	53
7. Сегодня я хочу ползать	61
8. Той, кому не мила жизнь	69
9. Курица	75
10. Где же ты?	83
11. Как мужик мужику	91
12. История морщин	97
13. Вот бы было как в кино	105
14. Бездорожье	117
15. Жизнь для меня по-прежнему — загадка	125
16. Смерть	131
17. Им в жизни ведь так нужен мужчина	135
18. Тост за плохих друзей	143
19. Дом	147
20. Чудачка	155
21. Лиза и Якоб	161
22. Может, я вернусь весной	175
23. Твои сильные руки	179
24. Воскресный стыд и как с ним бороться	187
25. Откуда я?	193
26. Пятница, тоска, Дрёбак	197
27. Я снимаю с себя белое пальто	213
28. Поцелуй меня	217
29. И барсукам нужна любовь	223
30. Когда вам бывает одиноко?	233
31. Ковбой и повар	241
32. Мечты	255
33. Я верю	267
Благодарности	271

ДОРОГИЕ ВЗРОСЛЫЕ,

работая над этой книгой, я представляла, что стою на бесконечной лестнице, которая уходит далеко-далеко в космос. И вот я стою на этой лестнице, прямо над Норвегией, а в руках у меня самый лучший, самый мощный бинокль, и через него я оглядываю всю страну, заглядываю в окна многоэтажек, в чердачные оконца дачных домиков, в подвалы, на вечеринки, разглядываю летние дни и зимние вечера, вглядываюсь в бары, спальни, в души и сердца взрослых.

Быть взрослым, на первый взгляд, очень просто. Ты умеешь почти всё, не докучаешь другим постоянными вопросами, ты прожил уже немало, пережил целую юность, ты в состоянии заботиться о других и о себе, ты умеешь отвечать на вопросы и разжигать гриль.

Но вот я, например, с грилем не умею обращаться. Да и с индукционной плитой у меня отношения никак не клеятся, иногда я чувствую себя самым настоящим карапузом, с толстыми ручками и несформировавшимся мозгом, но нет, я — взрослая. Взрослая, прожившая уже половину жизни. Об этом мне говорит год моего рождения. Именно поэтому в работе над этой книгой мне было так интересно присмотреться к другим взрослым, выделить их из толпы с помощью бинокля, изучить их и понять, а такие ли они взрослые, какими себя подают, да и взрослые ли они вообще — мне хотелось взглянуть, что скрывается за их взрослостью. Да и за моей тоже.

Я опрашивала, запоминала, придумывала взрослых, наблюдала за ними. И оказалось, все эти взрослые, все эти люди, достигшие середины жизни, все эти «взрослеющие», как я предпочитаю их называть, так и не повзростели, хотя и выглядят соответствующе, и жизнь их ещё не прожита до конца, их портреты ещё не дописаны, хотя многим из них иногда и мнится обратное. Многие из нас по-прежнему наброски. К счастью.

Одним этот период жизни по душе, а другие предпочли бы оказаться в другом месте, в другое время, их вполне устраивало то, что было раньше, быть может, они думают, что это лишь второй переходный возраст, ведущий их к старости, которая представляется ещё мрачнее нынешней зрелости.

Мне середина жизни, переход от молодости к старости, напоминает день на пляже. Знаете, когда лежишь под жарким солнцем южной страны и повсюду песок: между пальцев ног, в ресницах, на спине, в шортах, в душе, по всему насквозь мокрому от пота пляжному полотенцу. Воздух раскалён добела, и ты жмуришь глаза, всё жжётся и зудит, и хочется пить, но банка колы в песке под шезлонгом едва не кипит, песок прилип к ней снаружи и пробрался внутрь, песок прилип к тебе снаружи и тоже пробрался внутрь. И все вокруг кричат, просят передать им крем от загара: «Нет, не этот, другой, в синей упаковке, там, в сумке должен быть», — и кто-то передаёт кому-то мобильник, что-то, что лежит на дне сумки, достаётся и убирается обратно, и: «Передвинь-ка шезлонг чуть правее, может, так хотя бы грудь немного в тени будет», — и у тебя начинает кружиться голова, жара усиливается, воздух дрожит будто бы в напряжении, и ты

не в состоянии ответить кому-либо или улыбнуться, ты едва не плачешь и думаешь: «Да когда же это закончится», — и правда, что-то ведь должно поменяться.

Тогда-то это и происходит. Словно по мановению волшебной палочки.

И всё, что казалось таким неприятным, исчезает.

Ослепительное солнце исчезает, оно достойно завершает дневную смену и скрывается за горами на горизонте, песок больше не лезет в глаза, всё кругом замедляется, больше не нужно ничего никуда двигать и немедленно что-то кому-то передавать.

На побережье опускается вечер, опускается словно лёгкое, прохладное покрывало, и мы снова можем дышать, двигаться, только уже медленнее.

Кто-то отряхивает влажные полотенца от налипшего песка и снова бережно, аккуратно и красиво расстилает их на лежаках, другие парами сидят на краю шезлонгов и болтают, потягивая из стаканов прохладительные напитки, и никому не надо ничего приносить, передавать, не надо ничего устраивать, не надо жариться на солнце. Люди, у которых между пальцев ног как раз столько песка, сколько нужно, радостно, спокойно, с бокалом шабли в руке встречают именно такой вечер, какой им и был нужен.

Возможно, и ты, читатель, сейчас находишься на этом пляже? Надеюсь, мы встретимся вечером. Быть взрослыми вместе куда легче.

Приятного чтения!

Линн Скобер

1

МАТЕРИНСКАЯ
ДОЛЯ

Тот мужчина вдалеке, тот, что идёт к пункту досмотра в аэропорту Гардермуэн, — взрослый. На нём толстовка с капюшоном и кепка, а за спиной — рюкзак, выглядит он молодо, и всё же он *взрослый*.

Я хорошо знаю его, а он знает меня. Ничуть не хуже. Это видно по его взгляду, когда он оборачивается и смотрит на меня поверх плеча. И шуруется. Из-за рюкзака. Такая у него привычка. Он так шуруется с самого детства, даже если солнца нет. Тот мужчина вдалеке, тот, что идёт к пункту досмотра в аэропорту Гардермуэн, — мой сын.

Взрослый мужчина идёт к пункту досмотра в аэропорту Гардермуэн один. И я шепчу: «В Лондоне по вечерам холодно. Там вечно сквозит. Это же Лондон. Одевайся теплее». Но он не слышит. Слава богу.

Слава богу, он меня не слышит. Слава богу, я произнесла это тихо и смущённо, потому что мне стыдно. Мать печётся о взрослом мужчине, стыдно. До него мои слова долетают лишь лёгким ветерком, щекочущим шею. Все матери одинаковые. И он всё-таки бросает взгляд в мою сторону, не оборачивается полностью, но всё-таки смотрит, проводит рукой по затылку и кладёт ноутбук в пластиковый ящик. И снова касается шеи, как будто кто-то дышит ему в спину. Кто-то беспокойный, заботливый постоянно дышит ему в спину.

Он едет в Лондон учиться. Снимет комнату, будет спать на кровати с новым постельным бельём из магазина поблизости, а пить кофе будет на общей кухне, будет встречаться с друзьями, ходить в пабы, сидеть на газоне у корпуса, будет болтать

по-английски, а может, и думать постепенно начнёт по-английски, как-нибудь вечером поедет с кем-нибудь автостопом, будет хохотать до упаду на вечеринке, встречать других, новых людей, может, и новых девушек.

Он мой сын.

Может, ему приглянется особенная девушка, в берете, с неправильным прикусом, француженка-патриотка, и, может, она будет рассказывать ему истории о Франции, о своём родном городе, о друзьях, о местных кафе. Он пригласит её в ресторан в центре Лондона, где столики покрыты скатертями в красную клетку, и она, может, скажет: «Это так напоминает мне Францию и кафе там», — они будут смеяться и пить вино, познакомятся с гостями за соседним столиком, и вот уже ночь, и следующий день, и следующий год, и, может, она чем-то обидит его, или он уйдёт от неё и впадёт в уныние, и вот уже утро, и снова весна.

И он по-прежнему мой сын.

Может, через какое-то время он встретит другую девушку, румяную датчанку с наращёнными ресницами, которая любит датские сосиски и парк «Тиволи» в Копенгагене, она будет его смешить, и он снова воспрянет духом, и у них всё будет серьёзно, и она забеременеет, и они вместе вернутся в Норвегию или в Данию, поселятся в таунхаусе и будут улыбаться друг другу, она родит второго, и они разведутся. Он переедет в Осло, часто видеться с детьми у него не получится, но они уже взрослые и смогут прилетать к нему сами, будут навещать его по выходным два раза в месяц, а он будет по возможности прилетать к ним, в Данию.

Но ему будет сложно. От всего этого он будет не в восторге, но, может, встретит на работе некую Лисбет Даниэльсен, она тоже разведена и у неё двое детей от прежнего брака, и они вместе уедут из Осло куда-нибудь в Хаделанн, она, может, как раз оттуда родом, и она забеременеет, поздновато уже, но всё будет в порядке. В Хаделанне они заживут прекрасно, но и в Осло будут часто наезжать, в Осло прилетят и его дети из Копенгагена — познакомиться с маленькой сестрёнкой.

У него трое детей, и он по-прежнему мой сын.

Внукам понравится у меня гостить, я им разрешу играть в парикмахера с моими волосами, а он с Лисбет в это время сможет сходить развеяться в ресторан. Они на трамвае поедут до центра, отпраздновать его сорокапятилетие, а я буду смотреть им вслед. Лица улыбаются и сияют, каблук у Лисбет чуть высоковаты, но выглядит стильно, она навеселе, и он обнимает её, чтобы она не упала, а я думаю: «Не о чем беспокоиться, он за ней присмотрит». Тут он обернётся и помашет мне, на нём костюм, и он смеётся и шурится. Такая у него привычка. Даже когда солнца нет.

И они отлично проведут время, они заслужили, и на следующий день уедут обратно в Хаделанн, и заведут куриц, и соседи у них будут отличные, и я умру, но у него всё будет в полном порядке, дети подрастут и переедут во Францию, в Англию, в пригородные таунхаусы, а курицы всё так же несутся, и ему уже скоро 80, и Лисбет теперь в доме престарелых, и вот проходит несколько лет, а кажется, целая сотня, и вот как-то осенью он сидит на лавке под деревом у себя в саду, смотрит на озеро

и шурится. И вот уже снова лето, тепло, воздух недвижим, или всё-таки что-то шевелится?

Ветерок? Наверное, ветерок. Рука в тёмных старческих пятнах с обручальным кольцом на пальце касается шеи, под деревом, у озера, у края жизни, и он думает: «Надо бы одеться потеплее».

И он встаёт, пошатываясь, равновесие держать уже сложно, но встаёт, он одновременно опирается и на трость, и на дерево. Лёгкий ветерок провожает его до самого дома, пока он, качая головой, не запирает скрипучую дверь.

Так ведь не бывает. Поздний августовский вечер, вокруг тишь да гладь, откуда тогда взялся этот ветерок, который гладит его по шее, будто бы кто-то беспокойный, заботливый постоянно дышит ему в спину?

2

ИХ ЗАБРАЛА
«ЭЛИКСИЯ»

Это чудовище зовётся «Эликсия». Или «Сила», так она теперь себя называет, хочет втереться в доверие, усыпить бдительность. Так главный задира класса Свейн Харалд начинает называть себя Свенна, чтобы казаться дружелюбнее, но меньшим говнюком от этого не становится. Плохих имён не бывает, но бывают имена, способные многое скрыть. «Эликсия». Внутри неё пахнет потом и ярко горит свет. Я ни за что не стану называть её «Силой». Из её нутра несёт потом — что за мерзкое создание!

Внутри слышится тяжёлое дыхание, громкие стоны, а иногда из глубины чьего-то горла или души вырывается клокочущий звук, как будто там, у неё в нутре, тонет маленький человечек. Тонет внутри человека на беговой дорожке.

Запах описать сложно, но я попробую. Представьте смрад всевозможных выделений, сумевших просочиться наружу из таких мест, которые, казалось, и пор-то не имеют. Сладковатый запах человека, влажной кожи и страха смерти.

Мои подруги говорят, что оно того стоит, стоит всего этого, говорят, после этого чувствуешь себя прекрасно, после этого всё становится гораздо лучше, но насколько же тогда у них всё было плохо до этого, если «Эликсию» они видят своей избавительницей?

«Эликсия» похищает людей, когда они уязвимее всего, в 40–50 лет, она промывает им мозги и подчиняет своей воле, но так спокойно и непринуждённо, что они этого даже не замечают. Им бы воспротивиться. Моим подругам. Громко сказать: «Хватит!» А лучше прошептать, чтобы «Эликсия» не услышала.

Помоги мне! Найди меня! Вытащи меня отсюда!

Но они молчат. Люди, попавшие в плен к «Эликсии», сами об этом не подозревают, а когда замечают, что их похитили, уже слишком поздно. Они думают, что приходят к ней позаниматься разок, но за грохочущим техно не замечают, как заходится в крике крошечный человек у них внутри.

Я опоздала. Упустила время. Я должна была понять всё по глазам. Они стали меня избегать, вместе мы собирались всё реже, в них проснулась иступлённая жажда деятельности, все разговоры, пустая болтовня, теперь крутились вокруг походов за продуктами. Я не услышала этого, не увидела. Пока не пришла «Эликсия». Я и глазом моргнуть не успела, как они по мановению её мускулистого указательного пальца покинули меня. Одна за другой.

Нужно мне было как-нибудь во вторник схватить каждую из них за руку и силой выволочь из продуктового, да, именно так, схватить каждую из них за руку, так хорошо знакомую мне с былых времён, и невозмутимо отвести в тёмное кафе или паб, усадить в укромный уголок. Нужно было купить им вина и орешков, я бы дала им как следует выговориться, выпить, хотя на часах всего лишь начало второго, да и им нужно ещё успеть закончить с покупками и бежать к «Эликсии». И они бы изливали мне душу, заливали в себя вино и говорили гадости за спиной чудовища, что незаметно похищает людей.

Но больше всего мы бы говорили о жизни, любви и погоде. Сейчас как раз идёт дождь. Такого ливня не было уже много лет. С тех самых пор, когда мы были здесь в последний раз, больше

